

Цивилизационный подход в экономических исследованиях

Миловидов Владимир Дмитриевич

Доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН, SPIN-код РИНЦ: [9170-0290](https://orcid.org/0000-0003-2892-7775),
ORCID: [0000-0003-2892-7775](https://orcid.org/0000-0003-2892-7775), vmilovidov@hotmail.com

МГИМО МИД России, Москва; Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, РФ.

Аннотация

В предлагаемой статье представлен взгляд автора на то, как развивался и в чем состоял цивилизационный подход к анализу экономических процессов в различных, преимущественно русскоязычных, литературных источниках XIX века. Автор признает, что объем источников, содержащих свидетельства такого подхода, необъятен, поэтому фокусируется на тех, которые считает наиболее важными и показательными для оценки вклада российской науки в развитие такой методологии экономического анализа, а также современной концепции гуманитарной экономики, которой были посвящены отдельные более ранние работы автора. По мнению автора, цивилизационный подход уже на ранних стадиях экономических исследований помогал вывить нематериальные, культурно-психологические и моральные аспекты экономического поведения и формирования экономических институтов. Большинство исследований влияния цивилизационного развития на экономику грешат определенной одновекторностью, то есть выстроены в логике иерархичного мироустройства: цивилизованные нации находятся на вершине пирамиды развития, а нецивилизованные, варварские нации располагаются где-то у ее основания. Цивилизационный подход позволяет отказаться от ставшего шаблонным экономизма, основанного на исключительном признании примата материальных факторов общественного развития. Кроме этого, по мнению автора, появляется возможность поставить вопрос о корректности концепции многополярности, которая уже не может во всех деталях описать формирование нового мироустройства. Цивилизационный подход дает шанс по-новому оценить процессы глобализации и фрагментации не как антагонистических процессов, а как взаимно обусловленных. В целом будущее развитие многоцивилизационного миропорядка и его бесконфликтность во многом будут определяться готовностью представителей прежде всего западной цивилизации признать необходимость постепенного отказа от парадигмы универсальности условий общественного развития в пользу парадигмы самобытности нравов, уникальности экономической структуры и поведения, важности самобытности для экономического развития.

Ключевые слова

Цивилизация, цивилизационный подход, экономика, экономический рост, многополярность, многоцивилизационность, гуманитарная экономика, глобализация, фрагментация.

Для цитирования

Миловидов В.Д. Цивилизационный подход в экономических исследованиях // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104(S). С. 62–78. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-62-78

Civilization Approach in Economic Researches

Vladimir D. Milovidov

DSc (Economics), Associate Professor, Deputy Director for Scientific Work of IMEMO RAS, ORCID: [0000-0003-2892-7775](https://orcid.org/0000-0003-2892-7775),
vmilovidov@hotmail.com

MGIMO University, Moscow; Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The proposed article presents the author's view on how the civilizational approach to the analysis of economic processes developed and what it consisted of in various predominantly Russian-language literary sources of the 19th century. The author recognizes that the volume of sources containing evidence of such an approach is immense, so he focuses on those that he considers the most important and indicative for assessing the contribution of Russian science to the development of such a methodology of economic analysis, as well as the modern concept of human economy, to which some of the author's earlier works were devoted. In the author's opinion, the civilization approach already at the early stages of economic research helped to bring out non-material, cultural-psychological and moral aspects of economic behavior and formation of economic institutions. Most studies of the impact of civilizational development on the economy demonstrate a certain one-directionality, that is, they are built in the logic of a hierarchical world order: civilized nations are at the top of the pyramid of development, and uncivilized, barbaric nations are located somewhere at its base. The civilizational approach allows us to abandon the "economism", which has become a template, based on the exclusive recognition of the primacy of material factors of social development. In addition, in the author's opinion, there is an opportunity to raise the question of the correctness of the multipolarity concept, which can no longer describe in detail the formation of a new world order. The civilizational approach gives a chance to assess the processes of globalization and fragmentation in a new way, not as antagonistic processes, but as mutually conditioned. In general, the future development of a multi-civilizational world order and its conflict-free nature will be largely determined by the willingness of representatives of primarily Western civilization to recognize the need to gradually abandon the paradigm of universality of social development conditions in favor of manners identity paradigm, uniqueness of economic structure and behavior, and the importance of identity for economic development.

Keywords

Civilization, civilization approach, economy, economic growth, multipolarity, multicivilizational, human economy, globalization, fragmentation.

For citation

Milovidov V.D. (2024) Civilization Approach in Economic Researches. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104(S). P. 62–78. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-62-78

Введение

Экономика и как практическая хозяйственная деятельность, и как область научных знаний теснейшим образом связана с общим развитием человеческого общества, его материальной и духовной культуры. Это, несомненно, явление цивилизационное, то есть принадлежащее к совокупности системообразующих параметров и характеристик цивилизации, которая при всем разнообразии существующих определений может быть рассмотрена как делящаяся в истории социокультурная общность наций и государств [Никонов 2021, 14–15]. Такой подход позволяет не только обратить внимание на связь хозяйственной деятельности человека с другими параметрами цивилизации, например пространственными, культурными, языковыми, религиозными, психологическими, но также найти их проекцию в ней самой, то есть выявить причинно-следственные связи экономических процессов, событий и явлений, обусловленные психологией, чувствами, нравственными установками людей, выйдя за рамки анализа сугубо материально обоснованных мотиваций того или иного хозяйственного акта.

Русский экономист А.И. Бутовский в своей работе 1847 года «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» называл политическую экономию наукой нравственной [Бутовский 1847]. При этом он выделял пять категорий или побуждений человеческой деятельности, таких как полезное, правое, доброе, изящное и истинное. Политэкономия, по его мнению, должна развивать идею полезного, а вместе с другими нравственными науками излагать направления свободно-разумной деятельности человека, обогащать человека познаниями и руководить им в жизни, в его отношениях с природой и обществом, а также провозглашать законы его сил и познаний [Там же, III–IV].

Стремление рассматривать хозяйственную деятельность как феномен нравственного порядка, что ярко проявляется в русской экономической литературе XIX века, уходит корнями глубоко в историю интеллектуальных поисков ответа на вопрос о движущих силах человеческого развития, о соотношении нравственных и порочных начинаний, частного и общественного интересов, ответственности и свободы действий, денежных и духовных ценностей. Совокупность сложившихся устойчивых представлений о предпочтительных вариантах ответов на эти вопросы формирует идейный базис цивилизации, мировоззренческие установки соответствующего ей поколения людей и их экономические мотивации.

В предлагаемой статье представлен взгляд автора на то, как развивался и в чем состоял цивилизационный подход к анализу экономических процессов в различных, преимущественно русскоязычных, литературных источниках XIX века. Автор признает, что объем источников, содержащих свидетельства такого подхода, необъятен, поэтому фокусируется на тех, которые считает наиболее важными и показательными для оценки вклада российской науки в развитие такой методологии экономического анализа, а также современной концепции гуманитарной экономики, которой были посвящены отдельные более ранние работы автора [Миловидов 2013а; Миловидов 2013b; Миловидов 2014].

Век железный

Путеводной нитью в начале исследования цивилизационного подхода к анализу хозяйственной деятельности могли бы послужить произведения А.С. Пушкина, являвшегося одним из наиболее образованных людей своего времени и прекрасно осведомленного о многовековых интеллектуальных изысканиях в самых различных областях знания. Российский экономист А.В. Аникин в 1989 году проделал значительную работу, предложив опыт изучения социально-экономических мотивов произведений великого поэта [Аникин 1989]. В своей книге он привлекает

внимание к целому ряду произведений А.С. Пушкина, из которых особенно можно выделить три: «Скупой рыцарь» (1830 г.), «Пиковая дама» (1833 г.) и стихотворение-диалог «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824 г.), от которого и хотелось бы оттолкнуться.

«Наш век — торгаш; в сей век железный без денег и свободы нет»¹, — так характеризует книготорговец время, в которое поэту выпало жить и творить. Жажда денег, «злата, злата, злата» — вот, что движет его современниками, которых книгопродавец призывает «копить злато до конца». Жажда золота в железный век — почему? Скорее всего, в этой фразе мы находим отголоски известной древнегреческой легенды о пяти поколениях или пяти веках, которая была изложена древнегреческим рапсодом Гесиодом в поэме «Работы и дни» (в других переводах «Труды и дни»), написанной им примерно в VII–VIII вв. до н. э. Гесиод говорит: «Ныне убо род существует железный: ни днем не прекращаются труды и печали, ни ночью»². Представителям железного поколения присущи распри, насилие, клятвопреступления, зависть, ненависть, корысть даже в отношениях с самыми близкими родственниками. На протяжении всей поэмы автор взывает к совести своего брата, который, судя по всему, лишил его собственности на основании решения подкупленных судей: «Давно между нами наследство разделено; но многое другое ты грабежом унес, весьма прославляя царей, пожирающих подарки и которые как хотят, так и судят»³. Пушкин вполне мог быть знаком с произведением древнегреческого поэта, хотя бы потому, например, что одно из первых российских изданий поэмы в переводе П.И. Голенищева-Кутузова вышло в 1807 г.

Образ железного века — это в некотором роде образ цивилизации с присущими ей чертами, характеристиками и параметрами, которые на протяжении всей поэмы проступают сквозь поэтический язык Гесиода. Его поэма — наставление о том, как в условиях жестокого и корыстного железного века жить и вести хозяйство в союзе с совестью. Предыдущие четыре поколения: золотое, серебряное, медное и поколение героев, — также вполне могут быть определены как сменяющие друг друга цивилизации. Каждому поколению-цивилизации присущи свой тип людей, род их занятий, образ жизни и ведения хозяйства и даже особенности их ухода из жизни и последующего преобразования. Причем последнее обстоятельство имеет, пожалуй, наибольшее значение. По Гесиоду, смена поколений не предполагает какой-либо преемственности, передачи навыков, типов поведения, традиций следующему поколению. Старое исчезает, уступая место принципиально другому, новому.

Мотив гибели прежней цивилизации и рождения другой, идущей ей на смену, прослеживается в произведениях Пушкина «Скупой рыцарь» и «Пиковая дама». В первом он создает образы старого барона-скряги и его молодого сына-транжиры. Как отмечает А.В. Аникин, мир скупого рыцаря — старый феодальный мир, мир паталогической страсти к накопительству, тезаврации, мир ростовщичества, ему чужды капиталовложения, предпринимательство, риск [Аникин 1989, 113]. Такой тип поведения барона мешает прогрессу, а потому он обречен на гибель. Другое дело — сын барона, который становится потенциальным обладателем ресурсов, столь необходимых формирующемуся веку буржуа: расточительство одного становится источником обогащения и приумножения капиталов другого. Итог печален: ссора отца и сына, смерть барона, с которым уходит в небытие старое поколение-цивилизация.

Не менее трагична и судьба Германна, героя «Пиковой дамы». Аникин и в этой работе прослеживает столкновение эпох: «исчезнувшего французского восемнадцатого века» и века денег и алчности, к которому, казалось бы, принадлежит и главный герой. Будучи человеком расчетливым, живущим исключительно на жалованье, полагающимся на умение и трудолюбие, Германн в качестве средства своего обогащения выбирает совершенно иной, иррациональный способ — магию, секрет

¹ Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. М.: Художественная литература, 1985–1986. Т. 1. С. 315.

² Гесиод. Работы и дни. Теогония. Щит Геракла. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 95.

³ Там же. С. 83.

трех карт, якобы известный старой графине. Это позволяет Аникину сделать вывод о том, что поведение Германна проникнуто духом старого дворянского мира. По его словам, например, тяга к деньгам героев Достоевского более «буржуазная» [Там же, 111].

В данном контексте небезынтересно обратиться к работе Ю.Г. Жуковского, русского экономиста, литератора, управляющего Государственным банком Российской Империи, «XIX век и его нравственная культура», изданной в 1909 году. В ней он использует образы и сравнения, которые отсылают нас к сюжету «Пиковой дамы». Однако процесс исторического развития для Жуковского — это не изолированные, последовательные отрезки цивилизации и эпох, где начало следующего возможно только после прекращения предыдущего, это делящаяся магистральная линия, предполагающая преемственность, устойчивость определенных характеристик человеческого поведения. Один тип поведения переходит в другой, не исчезая при этом полностью, но зачастую меняя свою цивилизационную значимость и место в системе нравственных ценностей. Он приводит пример со спекуляцией, которая порицаема в современном ему обществе, замечая, что «было действительно время, когда спекуляция, по сравнению с грабежом и насилием, которые она заменила, была благом» [Жуковский 1909, 60].

То, что отживает, и то, что приходит ему на смену, контрастируют, но не исключают друг друга, в системе ценностей разных эпох и в зависимости от ситуаций они меняются местами сообразно изменению внешних условий. Жуковский фактически заново формулирует дилемму Германна: трудиться или использовать магию. У Пушкина она не имеет решения и сводит героя с ума. У Жуковского это лишь вопрос выбора: «Тот, кто не мог грабить, ни брать колдовством, прибежал к средствам другого рода — к обмену... Тому, кто не мог ни грабить, ни торговать, ни кудесничать, оставалось одно: это достигать увеличения средств сбережением на счет лишения себя необходимого» [Там же, 109]. Германн выбрал колдовство, но прогадал.

Согласно концепции развития нравственной культуры Жуковского, и колдовство, и торговля, и грабежи — результаты поисков невидимой, но существующей магистральной линии развития. Это постоянные отклонения от нее «ввиду того неведения истинного порядка, к которому нас может только мало-помалу привести историческая эволюция» [Там же, 114]. Это случайный выбор, интуитивный, связанный с психологией, которая, в логике Жуковского, — важнейший фактор, определяющий перипетии общественного развития. Примечательно, что здесь он обращается к образу колоды карт, как бы исподволь трактуя пушкинский сюжет: «Прототипом судьбы человечества служит колода карт: здесь есть фигуры; начинайте выбирать одну карту за другой, и они станут выходить в полном беспорядке; но повторяя то же много раз, вы убедитесь, что число вышедших королей или дам будет относиться к числу вышедших двоек, как число тех же фигур относится между собою в составе колоды. Колода карт — это внешняя и личная внутренняя природа человека; в них заложены известные условия, которые и предопределяют и то направление, в котором должно совершаться его развитие, и те результаты, которых он может достигнуть» [Там же].

Возвращаясь к герою Пушкина, мы можем сказать, что именно в разладе между внутренней и внешней природой человека и состояла трагедия героя «Пиковой дамы». Однако это была трагедия человека, но не трагедия поступательного развития общества. Точно также старая эпоха не умерла со смертью барона-скряги. В этих трагедиях не было столкновения антагонистических цивилизаций. Именно в этом состоит отличие цивилизационного подхода Жуковского к общественному развитию от того драматически прерывистого процесса, который мы видели у Гесиода и отчасти у Пушкина. Это отличие определяется иной точкой обзора: конец XIX века позволяет совершенно по-новому оценивать блага и недостатки железного века, растянувшегося на многие сотни лет.

Здесь можно привести рассуждения известного историка хозяйственной деятельности, русского экономиста И.М. Кулишера о том, как менялся смысл слова «финансы» в зависимости от разных эпох. По его мнению, XVI–XVII века были временем ростовщичества, финансистов, богоненавистников, святотатцев, душегубов, финансовых операций и грабежей. Под стать времени определялось и значение термина «финансы», якобы родственного словам *fenax* (греч.) — лгун, обманщик; *fenikazein* (нем.) — опутать, обойти, обмануть; *finding* (нем.) — хитрый, лукавый, ловкий; *finden* (нем.) и *veinsen* (нем.) — ростовщические, лицемерные, вероломные операции. Но в средние века финансы имели более безобидный смысл: *finis*, *fine*, *finare* (фр.) — окончание, завершение, уплаты, разрешение дела, платеж по договору, обязательный, принудительный платеж [Кулишер 1919, 6–7]. Однако в итоге терминологически финансы все больше, по мнению Кулишера, стали ассоциироваться с управлением государственной казной. Он отмечает, что «пережитки старых времен и нравов» еще дают о себе знать и в XIX веке, «лишний раз подтверждая старую истину, что культура во всех областях развивается медленно и постепенно, что пройденное пространство не сразу закрепляется и оказывается вне сферы огня прежних врагов», но терминология постепенно приравнивается к жизни [Там же, 10–11]. То есть, говоря словами Ю.Г. Жуковского, управление государственными финансами, установленная законом система налогов и платежей становятся благом по сравнению с грабительским ростовщичеством прошлых веков, когда монаршая казна освобождалась от долгов либо посредством войн, либо уничтожения кредиторов, а также с различными спекулятивными проектами, «панаммами», порицаемыми и в прошлом, и в настоящем. Однако при этом Ю.Г. Жуковский утверждает: «В наступивший период можем увидеть только продолжение той же борьбы в более уже мягкой форме, борьбы и угнетения не путем грубого насилия, а капитала; борьбы, которая, давая, конечно, себя чувствовать своим угнетением лица иным способом, оставляет, однако, за ним уже формальную свободу» [Жуковский 1909, 117].

Означает ли все это, что смена технологий, образа жизни, рост многообразия материальных ценностей, доступных для человека, при сохранении доминирующих нравственно-психологических факторов поведения людей не меняют хронологические рамки той или иной цивилизации, в данном случае растянувшейся во времени железного века, притом что как раз изменение расстановки нравственных акцентов определяет смену и способов, и инструментов достижения целей, то есть меняет экономическое сознание и культуру? С точки зрения цивилизационного подхода именно нравственно-психологическая, культурная, поведенческая составляющие, а не институциональная или операционная определяют цивилизационный прогресс хозяйственной деятельности человека.

Глобальная цивилизация

Многотысячелетняя «живучесть» образа железного века может определяться как минимум двумя объективными факторами: во-первых, универсальностью экономических институтов и приемов ведения хозяйственных операций (прототипы современных банков и других финансовых институтов, государственного и частного долга, кредита, финансовых операций, денег, ценных бумаг зародились в глубокой древности и в самых разных регионах мира) [Goldsmith 1987]; во-вторых, тем, что на всем историческом интервале развития экономики и экономической науки основной фокус и практиков, и ученых был сосредоточен на европейской фактуре. В конечном счете все экономические представления, экономическая культура, присущие ей ценности буквально выросли из произведений Адама Смита и укоренились в своих незыблемых парадигмах именно как элемент европейской, а позднее и более общей западной цивилизации, узурпировавшей право на глобальное доминирование.

На протяжении длительного времени концепция цивилизации формировалась в рамках западной научной мысли, как, собственно, и экономические взгляды и доктрины. В этом контексте любопытна статистика использования слов «civilization», «economics» и «цивилизация», «экономика» в англоязычных и русскоязычных книгах из коллекции Google, которую предоставляет ресурс Google Ngram Viewer (Рисунок 1).

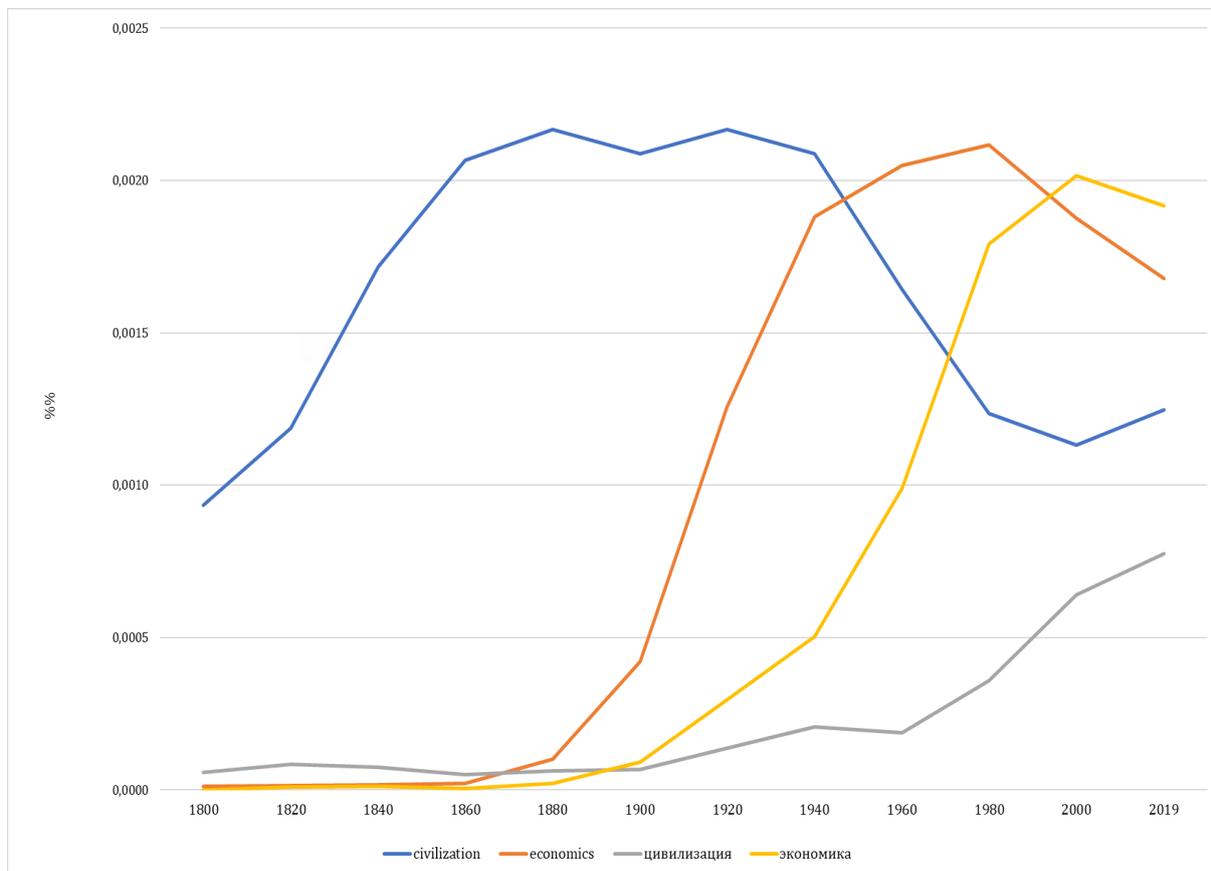

Рисунок 1. Частота использования терминов «цивилизация» и «экономика» в русскоязычной литературе и терминов «civilization» и «economics» в англоязычной литературе, в %% в 1800–2019 гг. (20-летние сглаженные средние)⁴

Как видно на представленном рисунке, на протяжении всего XIX века и первой половины XX века использование термина «civilization» в англоязычной литературе доминировало. Гораздо менее выраженную картину мы наблюдаем в России, хотя преобладающее внимание к термину «цивилизация» просматривается и здесь. В англоязычной литературе использование термина «economics» растет экспоненциально с 1880 г., а в русскоязычной — с 1900 г. Причем в России внимание к экономическим вопросам сразу начинает преобладать, в то время как в англоязычной литературе оно еще 60–70 лет лишь «догоняет» популярность термина «civilization». Такой «прагматизм» русскоязычной литературы XIX – начала XX вв. может отчасти объясняться влиянием западных взглядов на феномен цивилизации и, как следствие, заимствованием их российскими авторами при проведении актуальных экономических исследований, многие из которых носили прикладной характер. Так, русский экономист академик И.И. Янжул вообще относил экономику, и в частности финансы, к так называемым административным наукам, имеющим своим предметом «физические условия государственной жизни» [Янжул 1895, 1]. То есть на протяжении длительного времени научная мысль в России скорее следовала за развитием западных доктринальных конструкций. С 60-х годов XX в. внимание к вопросам развития цивилизации в русскоязычной литературе

⁴ Составлено автором с использованием сервиса [Google Ngram Viewer](https://www.google.com/ngram/).

усиливается, а с 2000 года происходит практически параллельное возрастание внимания к вопросам цивилизационного развития и в русскоязычной, и англоязычной литературе.

Этот вывод отчасти подтверждается статистикой использования терминов «западная цивилизация», «европейская цивилизация», «русская цивилизация» в русскоязычной литературе и соответствующих терминов «Western civilization», «European civilization» в англоязычной литературе в 1800–2019 гг. (Рисунок 2).

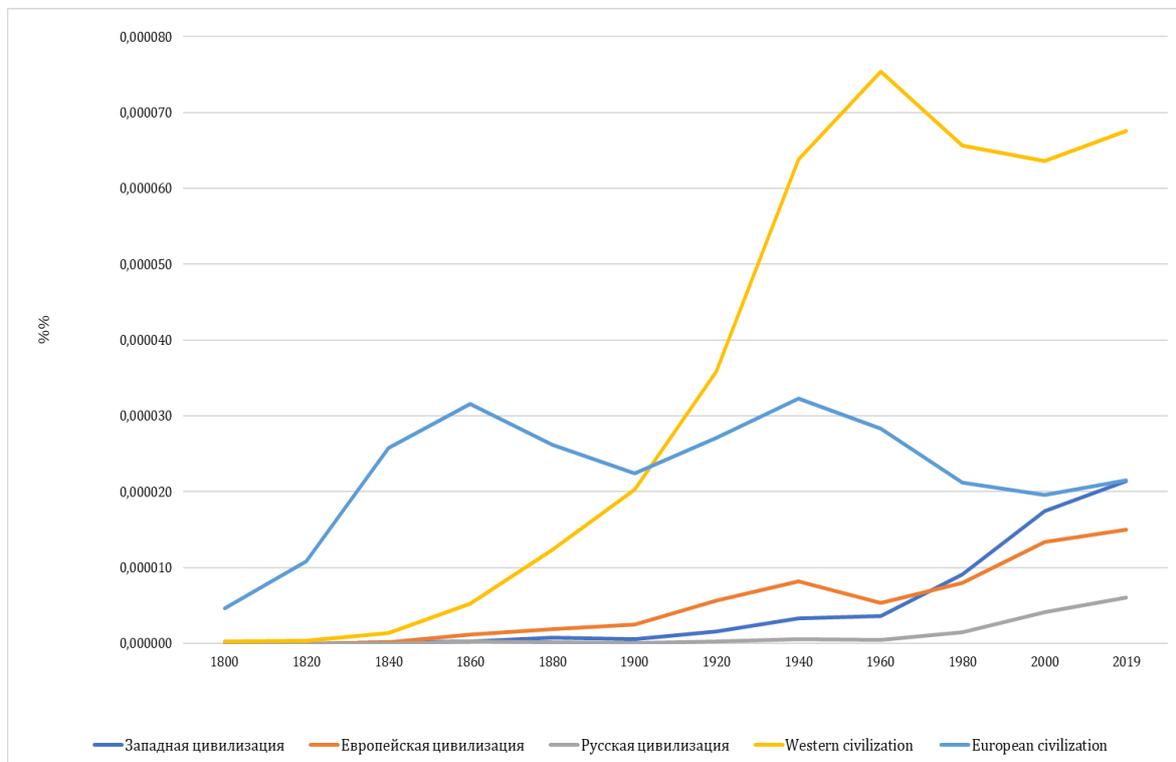

Рисунок 2. Частота использования терминов «западная цивилизация», «европейская цивилизация», «русская цивилизация» в русскоязычной литературе и терминов «Western civilization», «European civilization» в англоязычной литературе, в %% в 1800–2019 гг. (20-летние сглаженные средние)⁵

Фактически на протяжении более полутора столетий основной формой цивилизации, которая рассматривалась в русскоязычной литературе, была европейская цивилизация, лишь с середины 60-х годов XX века ее место занимает более глобалистский термин «западная цивилизация». В англоязычной литературе смена акцентов происходит на более чем полстолетия раньше — в начале 1900-х годов. То есть начинается формирование некоторого общего видения интегральной западной цивилизации, которая в последующем противопоставляется всему «незападному». Этот термин отчасти предвосхищает появление термина «глобализация», который устойчиво распространяется и в англоязычной, и в русскоязычной литературе с 80-х годов XX века. Осознание же самостоятельности русской цивилизации и рост внимания к ней начинаются примерно с 1960-х годов.

Вместе с тем, несмотря на относительно редкое использование термина «цивилизация» в русскоязычной литературе в начале XIX века, именно в этот период вырабатывается его научное понимание и место в системе научных категорий и концепций. В 1815 г. выходит книга русского экономиста академика А.К. Шторха, посвященная основам экономической теории, — «Курс политической экономии, или изложение начал, обуславливающих народное благосостояние». В этом фундаментальном труде автор предложил включить в предмет политической экономии, наряду с теорией народного богатства, и теорию цивилизации [Шторх 2008].

⁵ Составлено автором с использованием сервиса [Google Ngram Viewer](https://www.google.com/ngram/).

По его определению, «теория цивилизации имеет своим предметом познание законов, в соответствии с которыми производятся, накапливаются и потребляются внутренние блага, составные части или элементы цивилизации внутри страны» [Там же, 606]. В логике Шторха, в отличие от материальных, внешних благ, которые «обычно именуется богатством», внутренние блага не материальны, они находятся внутри самого человека, являются его «нравственной собственностью». Классификация внутренних благ включает физические блага — здоровье, силу, ловкость, искусства механические; умственные — разум, знание, вкус, науки, свободные искусства; нравственные — общительность, нравственные и религиозные чувствования, свободу, собственность [Там же, 81]. Другой возможный срез совокупности внутренних благ — их деление на блага первичные и вторичные. Первые включают: здоровье человека, его умение, просвещение, вкус, нравы, культ. Вторые являются необходимым условием для существования первых, это безопасность и досуг [Там же, 608–609].

Определяя особенности элементов цивилизации, внутренних благ, Шторх делает крайне важное замечание, имеющее отношение к выстраиванию процесса цивилизационного развития. Он отмечает, что, в отличие от материального богатства, которое потребляется полностью и вновь воспроизводится, внутренние блага не только более долговечны, но большая их часть способна «становиться все более и более полезной по мере их частичного употребления» [Там же, 613]. Внутренние блага могут накапливаться, но главное — «они в состоянии преобразовываться в капиталы, которые можно употребить на воспроизводство тех благ, что подвержены разрушению либо в ходе потребления, либо в результате смерти их обладателей» [Там же, 613]. При этом, считал Шторх, внутренние блага, в силу своей долговечности, накапливаются легче, чем материальные блага. Тем самым Шторх, по сути, формулирует идею монетизации нематериальных благ, их превращения в ресурс экономического развития. Таким образом, получается, что цивилизация обладает мощным внутренним источником для самовоспроизводства и воспроизводства входящих в нее элементов, внутренних благ. А это необходимое условие для воспроизводства внешних благ, материального богатства. Эта идея намного предвосхитила свое время.

В работе Шторх ссылается на Адама Смита как создателя «цивилизационной» политической экономии. Спустя более чем 200 лет с момента выхода книги Шторха американский экономист Вернон Смит, по сути, возвращается к теме деления экономической науки на материальную и нематериальную составляющие, указывая на то, что работы Адама Смита позволяют увидеть в единстве два мира, в которых «одновременно живет человек»: мир личностей и межличностного общения (personal social world) и обезличенный экономический мир (impersonal economic world) [Smith 2019, 1–3]. Науку, изучающую проблемы человека, существующего сразу в этих двух мирах, он называет «гуманомикой» (humanomics), как бы противопоставляя ее традиционной политической экономии.

Синонимом «гуманомики» можно считать другой термин, появившийся в научной литературе, — «гуманитарная экономика» (human economy). Английские антропологи Кейт Харт и Крис Ханн определяют ее как систему благополучного существования и удовлетворения человеческих потребностей, выходящих за узкие рамки сугубо рыночных ценностей и включающих в себя образование (по Шторху, просвещение), безопасность, здоровье и благоприятную окружающую среду (Шторх также указывает на отношения людей с окружающей средой), а также достоинство, значение и роль которых для человека не могут быть сведены только к количеству долларов, потраченных на душу населения [Hann, Hart 2011, 8]. Аналогичная идея содержится в более ранней работе английского экономиста и философа Эдварда Хадаса, который доказывает, что экономическая сторона человеческой природы не может быть изолирована от других ее сторон [Hadas 2007].

Переключкой сквозь века с работой Шторха можно также назвать слова чешского экономиста Томаса Седлачека: «Экономика, какой мы знаем ее сегодня, является культурным феноменом, продуктом цивилизации» [Sedlacek 2011, 3]. По его словам, экономика отличается от продуктов материального мира (богатства, по Шторху), она фактически нематериальна, возникла бессознательно, спонтанно, неконтролируемо, незапланированно, не по нажатию кнопки кондуктора [Ibid., 4].

В настоящее время подобных подходов к анализу экономических процессов становится все больше и больше. Отсылка к ним, конечно, не означает, что все упомянутые авторы знакомы с работой Шторха. Скорее всего, нет. Важно другое, искра цивилизационного подхода к экономике распространилась сегодня в научной литературе так же, возможно, спонтанно и независимо от предыдущих идей и умозаключений, как повсеместно возникла и сформировалась экономика и экономические институты.

Однако вопрос первичности и вторичности во взаимосвязанной паре процессов цивилизационного и экономического развития пока не имеет однозначного ответа. Да и у Шторха схема взаимосвязи достаточно сложная, предполагающая обратный эффект. Это своего рода петля обратной связи (feedback loop). Внутренние блага, отмечает Шторх, по природе присущи человеку, однако далеко не все и не сразу могут использовать врожденные ценности для преобразования окружающего мира, что связано с двумя факторами: а) «не каждое человеческое существо восприимчиво к силам природы» [Шторх 2008, 614]; б) нематериальный труд, способствующий развитию внутренних благ, то есть основа цивилизации, «требует наличия не только работника, но чаще всего инструментов и машин» [Там же, 615]. То есть, прежде чем внутренние блага начнут развиваться и стимулировать еще большее развитие богатства, должен пройти некоторый период первоначального накопления последнего, сопровождающегося разделением и специализацией труда. До этого оно «возрастает лишь в результате совершенствования производства и за счет экономии».

Важно заметить, что рассуждения Шторха о связи цивилизации и национального богатства объективно подводят к выводу об уровнях развития цивилизации. Причем цивилизованность может быть как абсолютной, так и относительной по аналогии с тем, как выделяются абсолютные и относительные богатства [Там же, 137–138, 648–649]. Абсолютное богатство, как и абсолютная цивилизованность, — характеристика одного человека или народа вне связи с другими людьми и народами, вне процесса его использования, накопления, приумножения. Относительное богатство всегда находится в движении, оно синоним капитала, его можно ссудить или взять займы. Точно так же и относительная цивилизованность: она предполагает интеграцию нации в систему мировых отношений. Причем такая нация способна воспроизводить внутренние блага, необходимые ей в том числе «в силу поддерживаемых ею внешних сношений и внутренних связей» [Там же, 649]. В итоге Шторх предлагает разделить все нации по уровню цивилизованности на три класса: 1) цивилизованные нации, 2) варварские нации, 3) нации, находящиеся на границе между цивилизацией и варварством [Там же, 649]. В тексте Шторх дает понять, что скорее относит Россию к цивилизованной нации, «мы европейцы» он пишет от первого лица, хотя при этом отмечает недостатки российской цивилизованности.

Однако даже цивилизованным нациям есть чему поучиться друг у друга. Так, Шторх прославляет сельскохозяйственный труд, развитый в России и дающий ей цивилизационные преимущества перед странами, где развита промышленность и ремесла, которым характерно более высокая специализация труда, что сказывается, по его мнению, на здоровье и умственных способностях населения этих стран. Но главное состоит в том, что цивилизованные нации, по сути, те, которые соответствуют некоторому глобальному уровню цивилизованности, определяемому

уровнем развития материальных и нематериальных благ. Варварские нации этому общему уровню не соответствуют, поэтому должны искать покровительство, привлекать материальный и нематериальный капиталы из цивилизованных наций.

Читая произведение Шторха, поражаешься, насколько многие его рассуждения звучат современно и актуально, затрагивают самые острые вопросы мирового развития. Работа Шторха безусловно заслуживает изучения с современных позиций. При этом следует обратить особое внимание на третью группу наций, которые он называет независимыми. Эти нации в состоянии обойтись без внешней поддержки, покровительства и инвестиций в развитие производства как материальных, так и нематериальных, внутренних благ, но также пока не претендуют на то, чтобы питать своими благами другие народы [Там же, 649]. Однако в работе Шторха не следует искать ответа на вопрос о том, могут ли «независимые» и уж тем более варварские нации сформировать новые критерии цивилизованности, представить миру новую модель роста благосостояния и материального богатства с опорой на суверенные внутренние блага. Хотя такая возможность им не отвергается. Но вот обратный процесс из цивилизованности к варварству прописан им более четко. Он приводит пример Греции, превратившейся, по его словам, в варварскую нацию, несмотря на все прошлые достижения в области производства внутренних нематериальных благ, которые во многом заимствовали новые цивилизованные нации [Там же, 668]. Да и современные Шторху цивилизованные нации обладают многочисленными особенностями и отличиями.

Многоцивилизационность

Большинство исследований влияния цивилизационного развития на экономику грешат определенной одновекторностью, то есть выстроены в логике иерархичного мироустройства: цивилизованные нации находятся на вершине пирамиды развития, а нецивилизированные, варварские нации располагаются где-то у ее основания. Это отчасти является следствием эволюции взглядов на географические рамки цивилизованности — европейская цивилизация, западная цивилизация, глобализация, стержнем которой является все та же западная цивилизация. Понятия «богатый Север» и «бедный Юг», «Запад — Восток» — производные этого взгляда. До некоторой степени иерархический взгляд сохраняется и в логике определения «центров силы» и «многополярности», которое вольно или невольно подразумевает наличие некоторой доминирующей страны или группы стран, вокруг которых формируется тот или иной геополитический полюс. Такой подход появился задолго до того, как концепция цивилизации сформировалась. Он подразумевал сохраняющееся до сих пор противопоставление цивилизованных народов, преимущественно западных, нецивилизированным, незападным народам. Термины «цивилизированные народы» и «нецивилизированные народы» или схожие с ними по смыслу можно легко найти как в многочисленных западных источниках, так и в работах русских экономистов и государственных деятелей, писавших на экономические и финансовые темы, например А.К. Шторха, Н.С. Мордвинова, Е.Ф. Канкрин [Мордвинов 1816; Канкрин 1894]. Одно из наиболее ранних и ярких, сильно укоренившихся в западном сознании свидетельств этому — «Записки о Московии»⁶ С. Герберштейна, изданные в середине XVI века.

Герберштейн явно не симпатизирует жителям Московии, противопоставляя их поведение и культуру более близкой к европейской цивилизации культуре жителей таких западных русских городов, как Псков и Новгород. Псковитяне, по его словам, честны, искренни и простодушны, немногословны «для обмана покупателя», «носят прическу не по русскому, а по польскому обычаю», но их просвещенные и утонченные обычаи сменяются под неблагоприятным воздействием московитов, которые «гораздо хитрее и лукавее всех прочих»⁷. То же самое, по его словам, происходит и

⁶ Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. М. Памятники исторической мысли, 2008.

⁷ Там же. С. 299, 349.

в Новгородской области: «Народ там был очень обходительный и честный, но ныне крайне испорчен, чему, вне сомнения, виной московская зараза, занесенная туда заезжими москвитами»⁸. При характеристике экономического поведения Герберштейн использует слово «mores» (лат.) — нравы, поведение, привычка, как бы подчеркивая определенную связку непосредственно экономических отношений с устоявшейся культурой поведения. Изучение экономики, экономических отношений для него равносильно изучению нравов Московии. То есть мы вполне можем говорить о его видении «цивилизации москвитов».

Другой европеец, католический миссионер Юрий Крижанич в XVII веке также обращается к нравам и обычаям, которые он встречает в России. Однако его взгляд гораздо более фундаментальный и комплиментарный. В своей работе «Политика» он формулирует три основные слагаемые власти: производство благ; сила, которая подразумевает наличие в государстве естественных природных богатств, земель (твердынь), а также созданных человеком средств защиты государства (в определенном смысле это перекликается с более поздними рассуждения Шторха о безопасности как внутреннем вторичном ресурсе); мудрость, включающая науки, умения, язык, до некоторой степени и образ жизни, например культуру одеваться⁹. В предложенной Крижаничем системе координат экономика (или экономия) как наука, которая «учит управлять домом или челядью», является частью науки о нравственности — этики, а та, в свою очередь, интегрирована в философию как слагаемый элемент «мирской мудрости». Причем он отдельно выделяет «идиозетику» как науку о личной нравственности, из чего можно сделать вывод, что экономика — это наука об общественной хозяйственной нравственности, об общественно-справедливом ведении хозяйства¹⁰. Примечательно, что именно в контексте мудрости Крижанич, по сути, обращается к цивилизационному развитию Руси. Эта важная и наибольшая часть его книги, которая в чем-то созвучна изложению норм хозяйственной жизни у Гесиода. Последний, обращаясь к своему брату, приводя нравоучительные греческие легенды, дает рекомендации, как вести хозяйство нравственно, сообразно с принципами справедливости. Так и Крижанич, выпячивая недостатки устройства жизни России, проводит мысль о том, как улучшить ее, сделав россиян поистине «цивилизированной нацией».

Ссылаясь на многочисленные примеры негативного, пренебрежительного и предвзятого отношения к русским, Крижанич подчеркивает их явную несимметричность и нескрываемую предвзятость. Для европейских народов все славянские племена: русские, поляки, чехи, болгары, сербы и хорваты, — находятся на более низкой ступени развития. Однако именно русские и венгры, по словам Крижанича, считаются варварами. При этом, как справедливо отмечает автор, сами европейские народы «превосходят нас в жестокости, в лживости, в ересь и во всяких пороках и сквернах», а русские, подчеркивает Крижанич, «никогда не видали таких насилий, обманов, хитростей, клятвопреступлений, распущенности и излишеств», какие присущи европейцам¹¹. Причины тому — невежество, лень и глупость, которые Крижанич выявляет в образе жизни на Руси и пытается искоренить своими записками и рекомендациями.

Варварство в логике европейской научной мысли — особый вид цивилизации, требующей покровительства, внешнего управления. Получается, что экономика в этом смысле представляется средством достижения целей — привнесенная западная экономическая нравственность теоретически должна изменить варварскую экономическую безнравственность. Шторх как раз и рекомендовал «экспортировать» внутренние блага цивилизованными нациями в варварские или менее цивилизованные государства. Эта идея экономического переустройства и облагораживания

⁸ Там же. С. 345.

⁹ Крижанич Ю. Политика. М.: Альма-Матер, 2023.

¹⁰ Там же. С. 169–170.

¹¹ Там же. С. 187.

цивилизаций-варваров остается весьма живучей. Причем Россия практически постоянно воспринимается именно как объект, требующий особого внимания на предмет облагораживания, хотя и обладает мощными ресурсами и многими преимуществами перед западной цивилизацией. В этой связи показательна градация цивилизаций у Ф. Броделя, признанного исследователя экономической культуры. В своей книге «Грамматика цивилизаций» в перечне цивилизаций за пределами Европы он отводит России особое место — «другая Европа» [Бродель 2014]. Этого места вне исторического контекста удостаиваются и Московия, и Россия, и СССР. Однако у Броделя образ варварской цивилизации сменяется образом нации, оказавшейся способной «одним прыжком преодолеть целый исторический этап», то есть фактически превратиться в высокоразвитую индустриальную державу. Она пример для подражания другим слаборазвитым государствам [Там же, 500], но при этом она все равно остается особой, другой для европейца цивилизацией.

Книга Броделя написана в начале 60-х годов, поэтому и характеристика событий в ней имеет свою историческую окраску. Однако уже в то время Бродель, наряду с оценками русской цивилизации, ясно представлял себе реалистичность исламской цивилизации, рисовал Африку как зарождающуюся новую цивилизацию, «особый культурный мир в стадии становления», прогнозировал возвышение китайской цивилизации, способной стать лидером Третьего мира [Там же, 131, 156, 167, 226]. В Азиатско-тихоокеанском регионе Бродель также усматривает черты особой цивилизационной общности и одновременной оригинальности государств, то есть сочетание единства и фрагментарности [Там же, 262–263]. Таким образом, в своей книге он обрисовал контуры будущего многоцивилизационного мира. Его выводы не бесспорны, но с позиций нашего времени вполне представляются пророческими. Движущей силой, которая способствовала развитию зачатков тех цивилизаций, о которых писал Бродель 60 лет назад, стала именно экономика, причем опирающаяся как на национальную самобытность и независимость, так и на созданные после Второй мировой войны институты глобального управления.

Антропологи Ханн и Харт подчеркивают, что перспективы для развития новой «гуманитарной экономики» больше не могут ассоциироваться только с Западом, «фокус мирового сообщества сегодня, кажется, смещается, несомненно, назад туда, где проживает большая часть населения — в Азию» [Hann, Hart 2011, 174]. Это движение хозяйственной жизни на Восток и ее обогащение национальными и культурными особенностями проживающих в этой части света народов иллюстрируется таким индикатором пространственного развития, как центр экономической гравитации, представляющим собой условную географическую точку, в которой уравниваются ВВП стран мира или иные экономические индикаторы развития. На Рисунке 3 представлено пространственное смещение в период с 1960 по 2022 гг. центра экономической гравитации, рассчитанного на основе годовых значений ВВП 200 стран мира в текущих ценах и долларах США.

Рисунок 3. Смещение географического местоположения центра экономической гравитации с 1960 по 2022 гг.¹²

Как наглядно видно на рисунке, географическое местоположение центра экономической гравитации по ВВП существенно сдвинулось не только на Восток, но и на Юг, что свидетельствует о росте удельного веса стран, прежде всего расположенных в Азии. По прогнозам, данная траектория смещения центра экономической гравитации сохранится еще долгое время. Важным условием для этого станет дальнейшее увеличение к 2040 году удельного веса ВВП стран Азии в глобальном ВВП до 50%, а совокупного потребления в странах Азии — до 40% от мирового уровня¹³. Другой фактор — рост включенности стран Азии в международную торговлю, а также, что крайне важно, рост внутрирегиональных товарных и инвестиционных потоков в этом регионе.

В страновом разрезе смещение центра экономической гравитации определяется развитием целого ряда региональных экономик-цивилизаций. Китай давно признан одним из лидеров цивилизационного развития в Азии. Наряду с ним все больше внимание привлекает развитие индонезийской цивилизации. Страна обладает высокими шансами к 2030 году войти в пятерку крупнейших стран мира по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности (ППП). Географическая протяженность островной территории Индонезии равна более 5300 км, что равносильно расстоянию от Ирландии до столицы Туркменистана Ашхабада. Значительным потенциалом цивилизационного развития обладает Индия, которая уже занимает третье место в мире по объему ВВП по ППП. Однако при этом развитие азиатских цивилизаций и все большая включенность стран Азии в мировую экономику происходит в достаточно сложном взаимодействии с развитием местных культурных и национальных традиций, сохранением цивилизационной самобытности. Это касается и стран Ближнего Востока (исламской цивилизации), а также Латинской Америки. Некоторые символы западной цивилизации проникают и в эти страны, но зачастую сложно приживаются на иной культурной почве. Это можно проследить на примере индекса Биг Мака, иллюстрирующего паритет покупательной способности различных стран, а также индексов глобализации, рассчитываемых швейцарским институтом KOF (KOF Swiss Economic Institute) (Таблица 1).

¹² Рассчитано автором на основе: GDP (current US\$) // World Bank Data [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 12.03.2024).

¹³ The Chinese century is well under way // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2018/10/27/the-chinese-century-is-well-under-way> (дата обращения: 12.03.2024); Asia Future is Now // McKinsey [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/asia%20pacific/asias%20future%20is%20now/asias-future-is-now-final.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).

Таблица 1. Индекс Биг Мака и индексы глобализации в 2023 г.¹⁴

	Европа	Ближний Восток	Латинская Америка	АТР	Южная Азия
Экономическая глобализация (Э)	73	59,8	54,58	60,68	39,5
Политическая глобализация (П)	73,99	66,3	54,55	49,22	61,34
Социальная глобализация (С), в том числе:	77,69	63,06	68,11	66,2	49,98
<i>межличностная глобализация</i>	<i>74,26</i>	<i>58,58</i>	<i>67,09</i>	<i>60,1</i>	<i>42,38</i>
<i>информационная глобализация</i>	<i>83,62</i>	<i>76,24</i>	<i>78,88</i>	<i>77,06</i>	<i>66,62</i>
<i>культурная глобализация</i>	<i>74,95</i>	<i>53,75</i>	<i>56,28</i>	<i>58,43</i>	<i>40,88</i>
Среднее значение индексов (Э, П, С)	74,89	63,05	59,08	58,70	50,27
Индекс Биг Мака (переоценка (+) или недооценка (-) национальной валюты) (по состоянию на июль 2023 г.)	-28,74	-29,68	-34,19	-43,54	-46,46
Цена Биг Мака в долл. США по текущему курсу национальной валюты (по состоянию на июль 2023 г.)	4,11	4,06	3,8	3,26	3,09

В таблице прослеживается закономерность: чем выше уровень глобализации региона, тем меньше «недооценка» региональных валют по отношению к доллару США и тем выше в этом регионе цена на Биг Мак в долларах по официальному курсу. По данным на июль 2023 г., в самих США цена на Биг Мак составляла 5,77 долл. Если следовать логике представленных данных, то наиболее самобытными регионами и расположенными там странами можно считать Южную Азию (это прежде всего Индия), а также Азиатско-тихоокеанский регион (АТР). Результаты Европы объясняются сохраняющейся самобытностью восточно-европейских стран. В «старых» европейских странах сравнительные цены на Биг Мак, как правило, идентичны, а в ряде случаев выше цены на американском рынке.

Индекс Биг Мака — лишь один количественный индикатор, позволяющий измерить цивилизационные различия стран современного мира. Выявление и конструирование других количественных показателей — задача отдельных исследований. Автор, например, ранее предпринял попытку выявить различия в степени распространения вируса COVID-19 в зависимости от цивилизационной самобытности стран Европы и Латинской Америки [Milovidov 2021]. При этом следует отметить, что сама идея измерения нравственных и культурных различий и их влияния на процессы национального развития имеет глубокие корни, в том числе, что особенно примечательно, в российской научной литературе. Здесь следует вновь обратиться к наследию Ю.Г. Жуковского, который допускал «выражение количественного отношения» нравственных явлений [Жуковский 1909, 105]. В области нравственных знаний, отмечал он, также «велся счет явлениям; существовала статистика и бухгалтерия, и сводились балансы активным и пассивным статьям». Говоря современным языком, уже формировались зачатки количественных методов изучения нравственных и психологических факторов экономического поведения. Именно в неразвитости количественных методов анализа нравственных явлений Жуковский усматривал причины того, что исследователи общественных отношений «не могли иметь ни верной картины общежития, ни настоящей науки об обществе» [Там же, 105].

Современный цивилизационный подход к экономике, то есть подход, предполагающий исследование экономических процессов в тесной увязке с культурными, эмоциональными,

¹⁴ Источник: Our Big Mac index shows how burger prices are changing // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/big-mac-index> (дата обращения: 12.03.2024); KOF Globalisation Index // KOF [Электронный ресурс]. URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (дата обращения: 12.03.2024).

психологическими, нравственными и прочими гуманитарными факторами общественного развития, требует более смелого подхода к количественному анализу, казалось бы, неизмеряемых и нематериальных процессов и явлений. Это важно еще и потому, что все явственнее проступают черты многоцивилизационного мироустройства, в котором тенденции глобализации все больше переплетаются и обогащаются процессами усиления национальной самобытности, в том числе стремлением к упрочению экономического, технологического и политического суверенитета. Чем сложнее система, тем более искусственных методов исследования она требует. Поэтому традиционные рамки прагматичной экономической науки становятся слишком узкими, чтобы найти в этих границах ответы на все актуальные вопросы мирохозяйственного развития.

Выводы

Подводя итог сказанному, следует обозначить методологическую базу последующих исследований, которая формируется благодаря использованию цивилизационного подхода к анализу экономических процессов и экономического развития.

Цивилизационный подход позволяет отказаться от ставшего шаблонным экономизма, основанного на исключительном признании примата материальных факторов общественного развития (марксистский экономизм — примат средств производства, кейнсианский и неоклассический экономизм — примат финансово-инвестиционных факторов и рационального поведения, институциональный экономизм — примат институтов над идеями).

Кроме этого, появляется возможность поставить вопрос о корректности концепции многополярности, которая уже не может во всех деталях описать формирование нового мироустройства. Концепция многополярности при всей ее ценности выстроена в логике иерархичности мироустройства, а цивилизационный подход диктует логику горизонтально распределенного мироустройства, мира как сети.

Цивилизационный подход допускает сотрудничество и конфликт цивилизаций, их объединение, что во многом определяется готовностью представителей прежде всего западной цивилизации признать необходимость постепенного отказа от парадигмы универсальности условий общественного развития в пользу парадигмы самобытности нравов, уникальности экономической структуры и поведения, важности самобытности для экономического развития. Чем будет более выражена такая готовность, в том числе в конкретных действиях, тем вероятнее снижение мировой конфликтности и повышение вероятности сотрудничества цивилизаций.

Наконец, цивилизационный подход дает шанс по-новому оценить процессы глобализации и фрагментации не как антагонистических процессов, а как взаимно обусловленных. Глобализация — это развитие связей между суверенными, уникальными и самобытными цивилизациями с учетом их специфики и интересов. При этом самобытность не является признаком изоляционизма, не противоречит открытости и интеграции в мирохозяйственные связи.

Список литературы:

Аникин А.В. Муза и мамона. Социально-экономические мотивы у Пушкина. М.: Мысль, 1989.

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2014.

Бутовский А.И. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1847. Т. 1.

Жуковский Ю.Г. XIX век и его нравственная культура. СПб.: Типография В.О. Киршбаума, 1909.

Канкрин Е.Ф. Очерки политической экономии и финансии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894.

- Кулишер И.М. Очерки финансовой науки. Петроград: Книгоиздательство «Наука и Школа», 1919.
- Миловидов В.Д. Философия финансового рынка. М.: Магистр, 2013.
- Миловидов В.Д. К истокам гуманитарной экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 7. С. 3–11.
- Миловидов В.Д. Подсознательные финансы: все ли на финансовом рынке определяет сознание? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 1. С. 32–41.
- Мордвинов Н.С. Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков. СПб.: Тип. Императорского воспитательного дома, 1816.
- Никонов В.А. Российская цивилизация. М.: Просвещение, 2021.
- Шторх А. Курс политической экономии, или изложение начал, обуславливающих народное благосостояние. Размышления о природе национального дохода. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2008.
- Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. СПб.: Типография И. Стасюлевича, 1895.
- Goldsmith R.W. *Premodern Financial Systems. A Historical Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Hadas E. *Human Goods and Economic Evil. A Moral Approach to Dismal Science*. Wilmington: ISI Books, 2007.
- Hann C., Hart K. *Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique*. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Milovidov V. *Pandemic in the Network Society: Network Readiness Increases Population Vulnerability to COVID-19 in Less Developed Countries* // *Acta Oeconomica*. 2021. Vol. 71. Is. S1. P. 187–203.
- Sedlacek T. *Economics of Good and Evil. The Quest for Economic Meaning from Gilgamesh to Wall Street*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Smith V. *Humanomics. Moral Sentiments and the Wealth of Nations for The Twenty-First Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

References:

- Anikin A.V. (1989) *Muza i mamona. Sotsial'no-ekonomicheskiye motivy u Pushkina* [Muse and Mammon. Pushkin's socio-economic motives]. Moscow: Mysl'.
- Braudel F. (2014) *Grammaire des civilisations*. Moscow: Ves' mir.
- Butovskiy A.I. (1847) *Opyt o narodnom bogatstve ili o nachalakh politicheskoy ekonomii* [An experience of popular wealth or the beginnings of political economy]. Saint Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii. Vol. 1.
- Goldsmith R.W. (1987) *Premodern Financial Systems. A Historical Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hadas E. (2007) *Human Goods and Economic Evil. A Moral Approach to Dismal Science*. Wilmington: ISI Books.
- Hann C., Hart K. (2011) *Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique*. Cambridge: Polity Press.
- Kankrin E.F. (1894) *Ocherki politicheskoy ekonomii i finansii* [Essays on political economy and finance]. Saint Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk.
- Kulisher I.M. (1919) *Ocherki finansovoy nauki* [Essays in financial science]. Petrograd: Knigoizdatel'stvo "Nauka i Shkola".
- Milovidov V. (2021) *Pandemic in the Network Society: Network Readiness Increases Population Vulnerability to COVID-19 in Less Developed Countries*. *Acta Oeconomica*. Vol. 71. Is. S1. P. 187–203.

- Milovidov V.D. (2013a) *Filosofiya finansovogo rynka* [The financial market's philosophy] Moscow: Magistr.
- Milovidov V.D. (2013b) To Origins of "Humanitarian Economy". *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 7. P. 3–11.
- Milovidov V.D. (2014) The Finance Unconscious: Is Everything in the Financial Market Driven by Consciousness? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 1. P. 32–41.
- Mordvinov N.S. (1816) *Rassuzhdeniya o mogushchikh posledovat' pol'zakh ot uchrezhdeniya chastnykh po guberniyam bankov* [Considerations on possible benefits from the establishment of private banks in the provinces]. Saint Petersburg: Tip. Imperatorskogo vospitatel'nogo doma.
- Nikonov V.A. (2021) *Rossiyskaya tsivilizatsiya* [Russian civilization]. Moscow: Prosveshhenie.
- Sedlacek T. (2011) *Economics of Good and Evil. The Quest for Economic Meaning from Gilgamesh to Wall Street*. Oxford: Oxford University Press.
- Smith V. (2019) *Humanomics. Moral Sentiments and the Wealth of Nations for The Twenty-First Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Storch A. (2008) *Kurs politicheskoy ekonomii, ili izlozheniye nachal, obuslovlivayushchikh narodnoye blagosostoyaniye. Razmyshleniya o prirode natsional'nogo dokhoda* [A course of political economy, or an exposition of the principles which condition the national welfare. Reflections on the nature of national income]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Ekonomicheskaya gazeta".
- Yanzhul I.I. (1895). *Osnovnyye nachala finansovoy nauki: Ucheniye o gosudarstvennykh dokhodakh* [Basic beginnings of financial science: The doctrine of public revenues]. Saint Petersburg: Tipografiya I. Stasyulevicha.
- Zhukovskiy Yu.G. (1909) *XIX vek i ego npravstvennaya kul'tura* [The nineteenth century and its moral culture]. Saint Petersburg: Tipografiya V.O. Kirshbauma.

Дата поступления/Received: 15.03.2024